

*Тайна
ежевичного
пирога*

*Абриэль
Сезула*

Габриэль Сегула

Тайна ежевичного пирога

<https://litres.ru/74003961>

SelfPub; 2026

Аннотация

Каждую осень в деревне Кузьминовка отмечают праздник ежевичного пирога. В этот день пекутся два пирога: один на семейный стол, второй для ярмарки.

Внезапно умирает Марфа Степановна, чей пирог долгие годы считался самым вкусным в деревне. Перед смертью она прячет рецепт своего пирога.

Ее дочь Анна давно переехала в город и навещала мать, только на день рождения и в праздник пирога. Внучка Вероника же очень любила гостить у бабушки и особенно есть ее пирог. После смерти Марфы, Анна приезжает в деревню, чтобы подготовить дом к продаже, но Вероника против и хочет приготовить ежевичный пирог, чтобы вернуть традицию, начатую ее бабушкой.

Сможет ли Вероника защитить дом бабушки, а также найти рецепт и испечь самый вкусный в деревне пирог?

Содержание

Пролог	4
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Габриэль Сегула

Тайна ежевичного пирога

Пролог

Лето в этом году стояло особенно знойное и душное. Даже ночь не приносила с собой желанной прохлады: воздух, нагревшийся за день, тяжелым одеялом висел над землей, не давая дышать полной грудью. Не спасали даже открытые настежь окна, ведь за ними стояла та же липкая, неподвижная тишина, лишь изредка нарушаемая тревожным стрекотом цикад.

Речка в низине обмелела, обнажив илистые берега, потрескавшиеся на солнце; трава у дорог пожухла и пожелтела раньше времени. Мир будто замер в ожидании грозы, что никак не могла разразиться, и это напряжение чувствовалось во всем: в полете птиц, в тишине леса и в тяжелом, словно перед обмороком, дыхании земли.

Не избежала летней участи и луна. Мутная и желтая, она больше походила на раскаленный диск, застрявший в липкой патоке неба, чем на прекрасный серебристый шар. В такую погоду люди становятся слишком раздражительными, а тени – непривычно длинными и пугающими.

Но, невзирая на это, ежевика в палисаднике наливалась

крупная и сладкая. Ей было все равно на человеческий дискомфорт: жара была ее стихией. Она жадно пила редкие, случайные капли воды из шланга и упрямо гнула колючие ветки к земле под тяжестью урожая. Плотные, глянцевые ягоды тяжелыми гроздьями свисали с плетей, источая приторный, чуть дурманящий аромат. Казалось, что сам куст светился изнутри фиолетово-черным огнем. Темно-синие, с сизым налетом ягоды надежно прятались в резной листве, словно драгоценные камни в старой шкатулке.

Будто чуяла, что вскоре понадобится вся ее сила. Что скоро придет август с его холодными росами, а там и осень с затяжными дождями. Надо успеть отдать все до капли, чтобы наполнить соком не только себя, но и тех, кто придет полакомиться, чтобы оставить по себе долгую, терпкую память до следующего лета. Ведь скоро кому-то придется несладко и потребуется густой, терпкий сок, вобравший в себя всю ярость солнца и горечь ночной духоты.

Марфа Степановна чувствовала, что ее час уже близок. Откуда людям приходит такое знание, она и сама не знала. Кто-то сказал бы, что такое приходит с возрастом и жизненным опытом. Когда по утрам сердце замирает на секунду дольше обычного, а вечерами руки сами тянутся перебирать старые вещи и гладить выцветшие фотографии. Вот платок, подаренный мужем в год серебряной свадьбы, и вышивка, что так и не закончила, а еще письма, сложенные в жестяную коробку из-под монпансье. Но для нее это знание пришло

вместе с ежевикой. Тем самым кустом в палисаднике, который в это знойное, душное лето наливался не просто соком, а самой жизнью.

А еще – тихим и ровным гулом, как порой гудят провода перед грозой или шумит в печной трубе перед первым снегом. Она не спорила с ним и не пыталась обмануть суетой. Просто молча слушала.

Но обо всем этом она никому не рассказала. Ни Аграфене, с которой не одно десятилетие делились и рецептами, и маленькими секретиками. Подруга бы всплеснула руками, заголосила и начала носить святую воду с заговорами, а этого Марфе Степановне совсем не хотелось. Ни дочери, что навевывалась лишь на день рождения да на праздник ежевичного пирога. Та бы засуетилась, начала возить по больницам, приговаривая: «*Мама, что за глупости, ты у нас еще ого-го!*» – а в этой суете пропало бы что-то важное и тихое. И даже любимой внучке, так похожей на нее в детстве. Веронике хотелось, чтобы бабушка была вечной. Тогда бы она всегда могла приехать к ней и поесть вкусную деревенскую еду, а еще прогуляться босиком вдоль речки.

Марфа Степановна думала: зачем пугать их этой правдой? Пусть для них она останется просто вечной бабушкой, пахнущей пирогами и выпечкой, с натруженными, но ласковыми руками. Слова тут не нужны. Да и разве передать словами то, что чувствуешь кожей каждое утро, вставая с постели и благодаря новый день за то, что он наступил? Поэтому она

молчала. Пусть лучше запомнят ее вот так: стоящей у пышущего жаром куста, с лукошком в руках, с легкой улыбкой и взглядом, устремленным куда-то вдаль, поверх крыш, туда, где небо уже начинало потихоньку наливаться вечерней синевой.

В этот вечер Марфа Степановна долго сидела над старой фотографией. Снимок уже выцвел по краям, но лица по-прежнему оставались живыми. Она с дочерью и внучкой, снятые ее мужем несколько лет назад, счастливо улыбались ей с пожелтевшего снимка. Тогда он был еще жив, дочь приезжала чаще, а Вероника только-только потеряла первый молочный зуб и стеснялась своей щербатой улыбки, прикрывая рот ладошкой. Марфа Степановна очень хорошо помнила тот день: приятно пахло яблоками, ветер осторожно шевелил скатерть на столе, а муж, вечно ворчавший на *«эти городские штучки»*, сам настоял на фотографии.

Старушка погладила пальцами их лица: сначала дочери, с ее вечно озабоченными глазами, потом Вероники, такой беззащитной и родной, задержалась на собственном изображении, удивляясь, какая же она была еще крепкая, статная – и хоть совсем седая, но спина прямая. Она смотрела на улыбающиеся лица дочери и внучки, и впервые за все это время в ее груди не было боли от скорого расставания. Только спокойная и ровная нежность.

Мягко улыбнулась в ответ снимку, смахивая непрошеную слезу, которая тут же затерялась в глубоких морщинах. В до-

ме стояла тишина, лишь маятник часов мерно отсчитывал минуты да за окном стрекотали цикады, не в силах справиться с вечерней духотой.

Вздохнула, бережно, словно святыню, поставила фотографию на комод, поправила кружевную салфетку под ней и, опершись о него рукой, легко, почти без обычной утренней ломоты, поднялась с кресла. Тело вдруг стало послушным и легким, словно приняло и согласилось с ее решением. Марфа Степановна поправила платок, оглядела чистую, уютную комнатку и с удивительным для ее лет проворством принялась за дело.

Пальцы дрогнули, когда она взяла в руки стопку писем, аккуратно перевязанных синей ленточкой, той самой, которой по молодости подвязывала волосы, под цвет своих глаз. Ленточка давно выцвела, став почти белой на сгибах, но кое-где еще сохранила тот самый васильковый цвет, что так любил ее покойный муж. «*Красавица моя синеглазая*», – бывало, шептал он, распуская ей косы.

Марфа Степановна поднесла письма к лицу. Бумага пахла пылью, старостью и чем-то неуловимо далеким. Возможно, теми самыми яблоками, что цвели в год их первой разлуки, когда он уезжал на заработки. Она не стала перечитывать. Не сейчас. И так знала каждое слово наизусть: его корявый, но такой родной почерк, с нажимом на букву «к», вечные приписки на полях: «*береги себя*», «*не скучай*», «*скоро буду*». Между некоторыми письмами попадались засушенные

остатки полевых цветов. Они уже давно рассыпались в труху от одного прикосновения, но она никогда не вытряхивала их, хранила эту хрупкую пыльцу прошлого.

Вздыхнув, она положила письма в левый ящик комода. Тот самый, куда всегда складывала самое дорогое. Прикрыла сверху рушниками, вышитыми к свадьбам. Сначала дочери: на белом льне красные петухи и виноград, молодые, еще неумелые стежки, она тогда очень спешила, боялась не успеть к торжеству. А сверху – внучкин, тоньше работа, искуснее, с нежными васильками и полевыми ромашками. Этот она вышивала уже не спеша, в удовольствие, зная, что Вероника никуда не торопится и вся жизнь у нее впереди.

Два женских счастья, два полотна, прикрывающих тайну ее собственной любви. Так и лежать им вместе.

Потом настала очередь самого сокровенного. Старенький дневник: толстая, потрепанная временем тетрадка в клеенчатой обложке, местами прожженная случайной искрой от печки, местами залитая чем-то сладким. Она не открывала его уже много лет. Знала: там, между строчек, засушены лепестки той самой розы, что покойный муж подарил в первое свидание, первый локон Вероники, еще младенческий, светлый, как лен, и записка от дочери, семилетней, с огромными буквами: *«Мама я тебя люблю»*.

Листая на ощупь, не глядя, она чувствовала под пальцами неровности: где бумага вздулась от когда-то пролитых слез или стерлась от частого перелистывания в счастливые годы.

К дневнику прибавились и фотографии. Самые дорогие. Не те, парадные, что в рамках на комодe, а маленькие, потрепанные. Те, на которых люди не позируют, а просто живут: вот муж спит на сеновале, свесив руку; тут дочь смеется, вся в муке; а здесь Вероника делает первые шаги, размытая, не в фокусе, но такая живая.

Все это она бережно уложила в деревянную шкатулку. Резную, пахнущую старой олифой и ладаном. Крышка закрылась с тихим, печальным стуком.

Остался ключ. Маленький, ржавый, с бородкой, похожей на замочную скважину старинных часов. Марфа Степановна зажала его в кулаке и направилась в чулан, где пылилась прялка: громоздкая, давно не нужная, но которую рука не поднималась выбросить. Та самая, на которой она когда-то прядла шерсть. Сколько носков было связано! Для мужа: толстые, деревенские, грубой вязки, чтобы ноги в поле не мерзли. Для дочери: поменьше, с оборками, городские, чтобы в школу носила. И для Вероники: совсем крохотные, первые в ее жизни, из самой мягкой, самой теплой шерсти.

Она нащупала в ножке прялки небольшую щербинку. Туда много лет назад упал сучок и выгнил, оставив пустоту внутри. Эту тайну знала только она. Опустила ключ в темное нутро дерева, и он мягко звякнул, коснувшись дна.

«Ну вот, – выдохнула Марфа Степановна, распрямляя спину. – Все как надо. Найдут, когда время придет. А может, и не найдут. Может, так и останется моя тайна с ними, в этом

доме».

Она уже хотела вернуться в горницу, как взгляд упал на старую солдатскую флягу мужа, висевшую на гвоздике у входа. Пустая, пыльная. Марфа Степановна сняла ее, смахнула пыль, подула внутрь, улыбнулась чему-то своему и решительно направилась в палисадник к ежевике.

«Негоже добру пропадать, – пробормотала она. – Баловство, конечно, но Вероника, поди, и не пробовала никогда. Пусть узнает, каков дедов напиток был. Легкий, ягодный, под зимний вечер будет самое то».

Так в ее последнем лете появилась еще одна цель: настоять ежевичной наливки по мужнину рецепту. Чтобы внучка, открывая эту флягу, вспомнила не только бабушкины пироги, но и деда, которого почти и не помнит, но чья теплота сохранилась в каждом глотке.

Зайдя на кухню, Марфа Степановна остановилась у порога, привычным взглядом окидывая пространство, где прошла большая часть ее жизни. Она перевела взгляд на стену, где на потемневшем от времени крючке висела деревянная ложка. Любимая. Та самая, что покойный муж вырезал для нее в их первую годовщину свадьбы.

Рука сама потянулась к ней. Дерево за годы отполировалось до блеска. Столько раз ее ладони сжимали этот черенок, мешая супы, варенья, отвары. Марфа Степановна провела большим пальцем по углублению, которое как раз ложилось в руку. Муж все подмечал и делал с душой. Помнится, он

тогда сказал: «Ты у меня, Марфуша, как ложка эта: с виду простая, а внутри – огромная загадочная вселенная. Вот и тут пусть у тебя секрет будет. Мало ли что в жизни пригодится».

Она тогда посмеялась: какой еще секрет в ложке? А он хитро подмигнул и показал: нужно лишь немного надавить у основания и сдвинуть вбок. Так ручка и открывалась, являя взору узкое, но глубокое нутро. Полость, вырезанная с любовью и мастерством. Для чего он это сделал? Тогда она не спросила. А теперь уже и не спросишь.

Но сейчас это нутро должно было принять самое важное. Марфа Степановна подошла к старой иконе Богородицы, подаренной ее матерью на свадьбу. Лик потемнел от времени, оклад потускнел, но глаза Богородицы все так же смотрели с тихой, всепонимающей печалью. Перед этой иконой она молилась, когда муж болел. Перед ней просила за дочь, чтобы та легко разродилась. И перед ней же плакала ночами, оставшись одна.

Осторожно, будто боясь потревожить святыню, она завела руку за икону. Пальцы нащупали шероховатый край бумаги. Вытащила. Пожелтевший, сложенный в несколько раз листик, исписанный ее же рукой: мелко, но старательно, чтобы уместилось все.

Она развернула его в последний раз. Пробежала глазами по строкам, хотя знала их наизусть. Там было все: «прости, если что не так», рецепт ежевичного пирога, что полюбился

и семье и всей деревне, наказ дочери не убиваться и просьба помянуть деда.

Марфа Степановна сложила листок снова, но теперь уже в маленький, плотный квадратик. Так, чтобы точно вошел. Взяла ложку, нащупала потайной стык и надавила. Дерево чуть слышно скрипнуло, поддаваясь привычному усилию, открывая полость. Внутри пахло сухим деревом и, едва ощутимо, покойным мужем. Может, показалось, а может, и вправду его руки навсегда оставили здесь частичку себя.

Она опустила листок внутрь. Легко и бесшумно он лег на дно. Марфа Степановна задвинула крышечку обратно. И ложка вновь стала просто ложкой.

Теперь нужно спрятать ее, но так, чтобы обязательно нашли. Чтобы не выбросили случайно и поняли: это не мусор, а память. Она вышла в сени, прихватив ложку, и направилась в сарай. Там пахло машинным маслом, старой пылью, железом и деревом. Здесь покойный муж любил мастерить по вечерам. До сих пор висели его инструменты: ржавеющие, но все еще хранящие тепло его ладоней.

Марфа Степановна выбрала место на верстаке, среди дедовских сокровищ: рядом с молотком, у которого обмотан изоляцией топориче, и рубанком, сточенным почти до основания. Туда она и положила ложку. Небрежно, словно случайно забыли, будто муж только что работал и оставил.

Она постояла еще с минуту, глядя на ложку, приютившуюся среди мужских инструментов. Хрупкая, деревянная, но

вместившая в себя целую жизнь. Потом развернулась и направилась в дом. Дела еще не окончены.

Но, выйдя, она все же остановилась в дверях сарая и обернулась. Лунный свет падал на верстак, выхватывая из полумрака край ложки. Тот самый, с вырезанным когда-то мужем узором: двумя переплетенными буквами «М» и «И». Марфа и Иван. Навеки вместе.

На мгновение ей показалось, что дерево мягко вспыхнуло серебром в ответ. Или это просто летняя луна, устав от зноя, сыграла шутку?

Марфа Степановна перекрестила сарай, ложку, инструменты, всю их долгую жизнь и тихо притворила за собой дверь.

Уже близилась полночь, когда Марфа Степановна вернулась в дом. Луна стояла высоко, и ее холодный, серебристый свет сочился сквозь небольшое кухонное окошко, разливаясь по полу бледными дорожками. В этом призрачном свете кухня казалась незнакомой, почти чужой, но Марфа Степановна знала здесь каждый уголок и трещинку в половицах.

Она остановилась посередине и перевела взгляд на печь. Огромная, беленая, с лежанкой, на которой столько зим проспал муж, с печурками, где грелись замерзшие детские ладошки дочери и внучки, заслонкой, что пела на все лады, когда разгорались дрова. Сколько всего эта печь уже успела повидать? Сколько высушила слез, выслушала тайных разговоров, выпекла хлебов и обогрела людей?

Марфа Степановна подошла ближе и ласково провела рукой по шершавому боку печи. Побелка чуть крошилась под пальцами, и кое-где уже проступили мелкие трещинки. Время никого и ничего не щадит. Ладонь чувствовала то тепло, что печь хранила после топки, слабый отголосок жара.

– Прощай, родимая, – тихо произнесла старушка, и голос ее немного дрогнул. – Сколько всего мы с тобой приготовили... Вон, пирог-то на всю деревню прославился.

Перед глазами вдруг всплыло столько всего. Как они с мужем эту печь ставили, еще молодыми, как глину вместе месили, он кирпичи клал, а она подносила. И как в первый раз топили: боялись, что дымить будет, но она с первого раза взяла, да еще и гулять начала, разгораться. Или как дочь с внучкой маленьких на лежанку клали, когда те болели, и печь грела, не отпускала жар всю ночь, пока пот не пробивал и хворь не отступала.

А пироги! Духовые, с ежевикой, яблоками, картошечкой... Запах тогда плыл по всей улице, и соседи заходили на огонек: *«Марфа, чем это у тебя так вкусно пахнет? Дай хоть кусочек попробовать!»*. И она всегда давала. Печь никогда не подводила: ровный жар, мягкая посадка, румяная корочка – прямо загляденье.

Хоть печь и хранила безмолвие, но Марфа Степановна чувствовала, как та горестно вздохнула. А может, это просто осела зола в поддувале или ветер загудел в трубе, но старушка явственно ощутила: печь поняла. Поняла, что с ней про-

щуются навсегда и больше не затрещат в ней березовые поленья. Уже не забулькают щи в чугушке, не запекутся пироги к приезду внучки.

– Не тужи, – прошептала Марфа Степановна, прижимаясь щекой к шершавому боку. – Я там, может, новую печь встречу. А ты тут дом храни. Без меня. Пусто тут будет, но ты не гасни совсем. Пусть хоть малый жар в тебе остается. Для памяти.

Она поцеловала грубый угол печи, туда, где когда-то муж выцарапал гвоздем дату, когда они сюда въехали. Цифры почти стерлись, но она помнила их сердцем.

В лунном свете печь казалась огромной и величественной, будто старый страж, с которым она с семьей прожили целую жизнь: счастливую, трудную, но такую настоящую.

– Спасибо тебе, – шепнула старушка и перекрестила печь.

В ответ из трубы донесся легкий, едва уловимый гул: ветер или сама печь вздохнула в последний раз, принимая благодарность.

Она перевела ласковый взгляд на деревянное окно. Старое, рассохшееся местами, с облупившейся краской. Марфа Степановна провела пальцем по неровной поверхности подоконника. Здесь, в трещинке, много лет назад застряло колечко, что он ей подарил. Она тогда расплакалась от счастья, а он смеялся и говорил: *«Не плачь, дурашка, новое куплю»*.
Всю жизнь с ним прожила, с тем самым колечком.

За запотевшим за день стеклом светила луна. Полная и

высокая, какие бывают только перед осенью, холодноватые, но все еще щедрые на свет. Ее серебристый свет мягко заливал уставший от дневного жара и духоты ночной сад. Каждый листик и веточка проступали в этом свете особенно четко, отбрасывая длинные, причудливые тени. Кусты малины казались застывшими в серебре, яблони – призрачными великанами, а ежевичные плети, тяжелые от ягод, тянулись к земле, будто кланяясь луне в благодарность за прохладу.

Сад погружался в безмолвие. Даже цикады, казалось, притихли, утомленные бесконечным стрекотом.

Она смотрела на ежевику. Та спала под луной, укрытая собственными листьями, но Марфа Степановна знала: завтра с первыми лучами солнца ягоды снова нальются жаром, станут еще слаще и крупнее. Они словно ждали, чтобы отдать себя до последней капли.

– Ничего, – прошептала она, и губ ее коснулась ласковая и теплая улыбка. – Придет осень, и найдут... И рецепт... И свой путь...

Она представила, как Вероника приедет в следующем году, откроет дом, вдохнет спертый воздух и первым делом побежит в сад. Как начнет срывать ягоды, пачкая руки, и вспоминать бабушку. Найдет тот самый рецепт, что спрятан в ложке, а затем ключ, письма и дневник.

Марфа Степановна распахнула окно и глубоко вздохнула, словно пытаясь надышаться воздухом, наполненным терпким, сладким и дурманящим запахом.

– В этом году будет особенный ежевичный пирог, – сказала она уже не саду и не луне, а кому-то невидимому, кто, возможно, слушал ее сейчас с той стороны бытия.

Она еще немного постояла у окна, глядя взглядом каждое дерево, грядку и кустик. Потом медленно, бережно, словно закрывая за собой дверь в прошлое, задернула занавеску. Сад исчез, остался лишь лунный свет, пробивающийся сквозь тонкую ткань и рисующий на полу бледные, призрачные узоры.

Марфа Степановна поправила платок, подошла к столу, где уже лежала чистая скатерть, и принялась собирать ингредиенты для ежевичной настойки. Сахар, самогон... И конечно же, свежая ежевика.

Осталось только собрать ее, промыть, потолочь и перемешать с сахаром. Затем влить самогон, закрыть и убрать на время в темное местечко, не забывая иногда встряхивать. А потом процедить через марлю и разлить по бутылкам. Лучше пить охлажденной, но держать флягу в холодильнике Марфа Степановна вовсе не планировала.

«Повешу обратно на гвоздь, – она хитро улыбнулась. – Вот будет сюрприз внучке.»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.